

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Зинаида Гиппиус

Вне времени

«Public Domain»

1906

Гиппиус З. Н.

Вне времени / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1906

«В тот год, весной, я решительно не знал, куда деться. Провести лето в Петербурге не было сил, несколько месяцев подряд на швейцарских высотах казались мне пределом скуки, в свое же обычное летнее местопребывание – в Петергоф – я никак не мог ехать: мы поссорились с кузиной Нини. То есть не поссорились, а «будировали» друг друга. Она на меня надулась за то, что я как-то пожаловался на тупость ее завсегдатаев – барона Норда, Коко Спесивцева и других. Она надулась, а так как я от своего мнения не отрекся и прощенья просить вовсе не желал (ужасно мне надоело вечно просить прощенье!), то с кузиной Нини у нас все пошло врозь, и я никак не мог поселиться в Петергофе. Тот же самый барон Норд и Коко Спесивцев стали бы смеяться надо мной в душе, если бы заметили, что я до такой степени в подчинении у этой женщины...»

© Гиппиус З. Н., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

I	5
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Вне времени

Старый этюд

Солнце, остановись!..
Иисус Навин

I

В тот год, весной, я решительно не знал, куда деться. Провести лето в Петербурге не было сил, несколько месяцев подряд на швейцарских высотах казались мне пределом скуки, в свое же обычное летнее местопребывание – в Петергоф – я никак не мог ехать: мы поссорились с кухней Нини. То есть не поссорились, а «будировали» друг друга. Она на меня надулась за то, что я как-то пожаловался на тупость ее завсегдатаев – барона Норда, Коко Спесивцева и других. Она надулась, а так как я от своего мнения не отрекся и прощения просить вовсе не желал (ужасно мне надоело вечно просить прощение!), то с кухней Нини у нас все пошло врозь, и я никак не мог поселиться в Петергофе. Тот же самый барон Норд и Коко Спесивцев стали бы смеяться надо мной в душе, если бы заметили, что я до такой степени в подчинении у этой женщины.

И я перестал видаться с кухней, причем отлично бы себя чувствовал, если б не забота, куда ехать на лето.

Дядя, старый холостяк, человек больной, но веселый, которого я навестил в Царском, на мои жалобы воскликнул:

– Знаешь, что я тебе посоветую? Поезжай в Осокино, к Левониным, нашим родственникам! Не раскаешься. Глушь, таить нечего: от ближнего города 60 верст, дороги и местоположения не знаю, никогда там не был, хотя они меня уже двадцать лет в гости зовут... Но ты будешь доволен. Захвати краски, полотна, все твои художественные припасы. Деревня, я тебе скажу, даже и для дилетанта-художника, каков ты, – клад...

Я пропустил мимо ушей не лишнюю ядовитости шпильку дяди насчет моего дилетантизма и, увлеченный планом, принялся расспрашивать:

– Какие Левонины? Почему они нам родственницы? Ловко ли будет приехать мне туда, незнакомому? Какая семья?

К удивлению моему, дядя в подробности не пустился. Сказал только, улыбаясь, что неловкости не будет, ибо я, хоть и дальний, а все же «родственник», что он сегодня же им о моем посещении напишет, что это «две девушки, Полина Васильевна и Аделаида Васильевна», дал мне подробный маршрут и советовал собраться как можно скорее.

– Как же я поеду к двум девушкам? Или это старые девы? Но, дядя, я тогда умру от тоски!

– Ничего не расскажу, – отрезал дядя. – Поезжай – сам увидишь. А я сегодня же им о тебе напишу.

II

Не прошло и трех дней, как я, со своим довольно тяжелым багажом (одни «художественные припасы» занимали порядочно места) подъезжал в скверном вагоне второстепенной дороги к тому уездному городу, откуда лежал путь к моим новооткрытым родственницам. Было раннее утро. Я почти не спал и потому находился в отвратительном настроении.

– Охота тащиться! – ворчал я, глядя в окно на бегущие поля и перелески. Теперь не угодно ли 60 верст по проселку! Прямо путешествие на край света. Да еще там какие-нибудь кикиморы. Хорош я им родственник, все это дядины выдумки! И, наверно, потребуют, чтобы я их тетушками звал, ручки с почтением целовал! Дождитесь!

Я злился тоже, что мне негде было заняться своим туалетом. Я привык делать это с величайшим тщанием. Красивая наружность от хорошей «тепие»¹ очень выигрывает, а я знал, что у меня красивая наружность. Кузина Нини, в добрые минуты, говаривала: «Главное, мне нравится, что ты не просто „beau garçon“². В тебе есть что-то такое... что-то... de la poesie...³ понимаешь?».

Еще бы! Я это отлично понимал. И вообще я себе нравился, я рад был, что я – я. Тридцать лет, высокий рост, золотистые волосы, откиннутые назад, независимое состояние, полная свобода, способности и влечение к живописи... Вот только в этом последнем пункте существовало нечто, что мне не совсем нравилось, – но об этом после.

Было всего без четверти восемь, когда медленный поезд остановился наконец у станции. На меня глянул желтый деревянный вокзал, такой же, крашенный, забор, за которым возвышались чахлые деревья станционного садика, дощатая платформа с сутуловатым жандармом в парусинке и немногочисленной толпой сермяжных мужиков. Спины их гнулись под серыми мешками, а лица выражали растерянность и недоверие.

Даже носильщиков не оказалось. Я вылез кое-как и отправился в вокзал со всеми моими чемоданами и свертками. В буфете (где мне дали прескверный кофе) я открыл расторопного лакея, которого и попросил нанять лошадь в Осокино.

– Куда изволите ехать? – переспросил меня лакей.

– В Осокино, шестьдесят верст отсюда. Госпож Левониных? Разве не знаешь?

– Осокино? Слыхал... Только далече оно... И точно как немного из господ туда ездят... Пожалуй, извозчика такого бывалого не найдешь... Они, значит, сами-то на своих...

– Ну уж, пожалуйста, похлопочи, любезный. Мне необходимо.

Извозчик, после долгого промежутка времени, был мне предоставлен. Тележка не тележка, кибитка не кибитка – словом, что-то высокое, страшное и без рессор. Две худые лошаденки с веревочными постромками стояли понурясь. Возница, мужик суровый, угрюмый и злой, заломил с меня невероятную цену, которую я ему тут же и дал.

Я не на шутку начинал робеть.

Кое-как привязали мои чемоданы и тронулись. Тележка со звоном запрыгала по невероятной мостовой города. Мелькнул белый собор с зеленым куполом, городской бульвар, какое-то управление, деревянные ряды с лавками, где продаются колеса, мыло и баранки, базарная площадь с немногими, по случаю будней, возами и раскиданной черной и примятой соломой. Обывательские домики, чистенькие, маленькие, сменились темными лачужками, с сизо-радужными стеклами, заткнутыми кое-где тряпьем. Последний кабак с синей вывеской и деревянным крылечком скрылся из глаз – и мы выехали из города. Направо тянулось шоссе, но мы тотчас же

---

¹ одежды (фр.).

² красавчик (фр.).

³ поэтическое (фр.).

свернули на проселок. Я перевел дух. С высоты моей кибитки я не мог даже любоваться городскими диковинками, так меня невероятно растрясло. Только на проселке и очнулся. Места шли открытые, июньское солнце, поднимаясь выше, порядочно припекало.

– Послушай, – начал я, обращаясь к угрюмому мужику. – Ты дорогу-то знаешь?

– Знаю.

– Ты, значит, в Осокине бывал?

– Значит, бывал.

– Что ж, там хорошо?

– Хорошо.

– А барышни что?

– Барышни ничего.

Не было возможности продолжать такой разговор. Один знакомый студент говорил мне, что между народом часто попадаются меланхолики и что они всегда кончают самоубийством. Я подумал, что, наверно, и мой возница кончит самоубийством.

Мы выехали в лес, и с тех пор дорога так и потянулась лесом. Деревья то уменьшались, чуть не переходили в кусты, и я глядел поверху шумящего молодого березняка и крошечных осин, все-таки трепещущих каждым своим тонкостебельным листиком, то вдруг около дороги вырастали стены, и самая дорога, малоезженная, зеленая, влажная, углублялась, тонула в тени прямых и высоких деревьев, блистающих на солнце вершинами. Я закидывал голову. Зеленые ветви сплетались над дорогой, не пропуская лучей. Направо и налево глубина леса зеленела, без просвета. Дорога сделалась еще мягче, замшилась, отсырела. Острые, томные благоуханья охватили меня. Землей, ягодным листом, прошлогодними, прелыми листьями, отставшей свежей березовой корой пахло. Воздух был тяжел и прохладен. Я вдыхал его с торопливостью, радуясь и удивляясь непривычным живым ароматам. Какая-то веселая и доверчивая птица свистела не очень громко, но чисто, кончала короткую песенку – и опять начинала с той же ноты. Близко, совсем близко закуковала кукушка. Я вздрогнул – и она испугалась, заслышав мягкий шум колес по мшистой дороге – и сразу замолкла.

Мне казалось, что я попал в какой-то неведомый мир. Странно! Тут деревья, мох, трава, небо и воздух. В Петергофе тоже деревья, мох, трава, небо и воздух. А между тем я чувствовал, что вижу все это в первый раз. У меня даже настроение изменилось, и мысли сделались серьезнее, тише и проще.

Дорога все тянулась, возница мой молчал. Кибитка теперь покачивалась мягко. Я устроился удобнее и незаметно задремал.

III

– Вон оно, Осокино. Видать.

Солнце уже спускалось к закату, когда, после дня езды с двухчасовой кормежкой в какой-то грязноватой деревне, угрюмый мужик обернулся ко мне и указал кнутовищем вперед.

– Где? Где? – спрашивал я, приподнимаясь в кибитке.

Мы выехали из лесу. Теперь слева тянулись необозримые, бескрайние нивы и луга, а справа блестело, как жидкое олово, длинное озеро, окаймленное темным тростником. Мы поднялись на холм, и я увидел ясно белый помещичий дом, широкий, каменный, с мезонином. Сзади темнели кудрявые деревья сада. Впереди, на дворе, я различил сероватые амбары, сарай, службы, аллею из подстриженных акаций. Направо, на порядочном расстоянии от дома, за холмом, блестел крест маленькой церкви, темнели какие-то строения.

Лошади пошли веселее, чуя отдых. Высокая густая рожь волновалась теперь у самой дороги. Каждый колос нагибал свою длинную головку и кланялся. И лоснистые полосы медленно переливались по широкому простору нивы.

Я смотрел на хлеб и вдруг увидел на меже, вдали, что-то белое. Я немного близорук, но мы подъехали ближе, и я различил ясно стройную женскую фигуру в светлом платье, которое мне показалось немного странным; почему – я не мог дать себе отчета. Что-то в нем было непривычное, хотя и не некрасивое. Лица женщины я не мог разобрать. И далеко было, да и на голове у нее я заметил широкую, бросающую тень, круглую соломенную шляпку с черной лентой вокруг тульи. Концы лент мягко развевались. Шляпа тоже показалась мне необыкновенной. Я вспомнил, что шляпа такого фасона называется «бержеркой». Кузина Нини мне это объясняла, когда ездила на последний *bal masque*⁴

---

⁴ бал-маскарад (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.